

стр. 19: сарык. *būlas, būlas* 'злой дух' — не к авест. *būšyasta-* 'демон (сна и лени)', а заимств. вах. *bəl(h)as*, буруш. *bilas*, верш. *bālhas* 'прожорливый демон', 'людоед(ка)', адаптация тадж. (перс. из араб.) (*a*)*bulhavas* 'жадный' (букв. 'отец вожделения').

стр. 25: руш. *ēigās* 'наседет' ← тадж., узб. *čagas, čakas* 'id'.

стр. 26: сарык. *čong* 'пыль' ← тадж., тюрк. *čang* 'id'.

стр. 28: сарык. *čutka*, язг. *čūtka*, 'щетка' ← тадж. *čūtka* (русск.).

стр. 35: сарык. *garunruy* 'беременная' ← тадж., букв. 'тяжелоголая', ср. аналогичное тадж. диал. *roywazmin* 'id'. (*roy* 'нога', *vaznin* 'тяжелый').

стр. 37: *γirāt, γarāt dēdōw* 'выхватывать' ← тадж. *γorat* 'грабёж' (из араб. *γarat* 'нападение').

стр. 65: хуф. *rišwōz* 'балка (в сених, на террасе)' ← тадж. *rešvoz* 'встреча', диал. также 'сени', 'терраса (где встречаются гостей)'.

стр. 67: шугн., хуф., барт. *rim* 'тополь' ← тадж. *rim* 'id'., во всяком случае, связь с отражениями др.-инд. *ramañī-* 'Aloe indica' неясна.

стр. 77: шугн., руш., орош. *šilon, šilun* 'угощение', 'пиршество' ← тадж., перс. *šilan* 'id'.

стр. 81: шугн. *tōrz* 'убежище в горах' ← тадж. диал. *tury* 'убежище в горах над селением' (из тюрк., см. А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры . . . , стр. 143).

стр. 82: шугн., хуф., орош. *tištōv*, язг. *təštév* 'заговор', 'талисман' (о молитве, написанной на бумаге или на бересте, — размоченная в воде, служила лекарством) — адаптация тадж. *tašt-ob* букв. 'вода чашки', ср. объяснение М. С. Андреева: « . . . слово «тышт-ов» происходит из арабского «тишт» — большая чашка, миска — и тадж. «об» — вода. Подобный способ употребления заговоров очень распространен среди населения Средней Азии. Один русский врач рассказывал мне о случае, имевшем место в первые годы после революции, когда больная, получив от него рецепт, вместо того, чтобы отнести его в аптеку для получения лекарства, вымыла его в воде, которую и выпила» («Таджики долины Хуф», вып. I, стр. 48). Ср. панджширский заговор *šuišt* (тадж., букв. 'вымытый'), употребляющийся так же (М. С. Андреев. Долина Панджшир. Ташкент, 1927, стр. 61).

стр. 86: шугн. *voyma, wōymá* 'одержимый' не связано с шугн. *vūyd* 'злой дух', а является заимств. тадж. *vohima* 'ужас' (из араб. *wahama* 'пугать').

стр. 95: сарык. *waz* 'пропаганда', 'агитация' ← тадж. *va'z* 'проповедь' (из араб. *wa'aza* 'проповедовать').

стр. 102: хуф. *šikōr* 'поташ' ← тадж. *išqor* 'id'.

стр. 106: сарык., язг. *yoš* 'молодой' ← тадж., узб. *yoš* 'id'. (тюрк.).

В словаре есть опечатки и неточности в транскрипции слов памирских языков: стр. 16: вместо *awj* нужно *awj* (в транскрипции автора, у И. И. Зарубина — *awz* 'глубокий'); стр. 47: s. v. *naβ* нужно *Mj. nəl*; стр. 88: s. v. *wīdn* нужно *Shina philil*; стр. 89: s. v. *wāγ-* нужно *Wkh. woγ-*; шугн. *wāŷj* (не *wāŷj*); стр. 97: вместо *xōj* нужно *xōj*; стр. 99: вместо *xēj* нужно *xex*; стр. 107: s. v. *zūŷ* нужно авест. *daoš*; стр. 109: s. v. *zarīj* нужно язг. *žaražg*; стр. 113: s. v. *divūsk* нужно вах. *fuks*.

И. М. Стеблин-Каменский

N. Andriotis.

Lexikon der Archaismen in neugriechischen Dialekten.

(Österreich. Akad. der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Schriften der Balkankommission. Linguist. Abt. 22).

Wien, 1974, 705 стр.

Ведущий греческий лингвист, профессор университета г. Фессалоники, Николаос Андриотис, хорошо известный своими работами в области новогреческой диалектологии, лексикологии и этимологии, создал важный итоговый

труд по истории слов греческого языка¹. Его «Лексикон» включает собрание лексических и грамматических архаизмов, продолжающих функционировать в современных греческих диалектах. Архаизмами автор считает слова и словоформы древнегреческого, позднегреческого и среднегреческого периода, которые продолжают жить в тех или иных диалектах, но отсутствуют в современном литературном общенациональном языке, будучи заменены на синонимы. Поскольку словарь, помимо лексически архаизмов, включает и некоторое число грамматических архаизмов, то Н. Андриотис предлагает объединить их общим названием «диалектный архаизм», что можно считать оправданным.

В древнегреческом существовало несколько диалектных зон и областей, охватывавших множество местных диалектов и поддиалектов². Одновременно с этим развивалась тенденция к выработке наддиалектного или, точнее сказать, интердиалектного образца, так называемого койне.

В силу ряда причин позднегреческое и среднегреческое койне в свою очередь распадалось на ряд диалектов. Это диалектное многообразие продолжает сохраняться и до сих пор, несмотря на кодификацию новогреческого койне в качестве литературного языка. В словаре приведена общая схема распространения современных диалектов, принятая в неозллинистике.

Как известно, распад позднегреческого и среднегреческого (византийского) койне сопровождался процессами формирования нового языкового эталона — койне, который был создан на базе южных диалектов и в XVIII—XIX вв. получил широкое распространение в больших городах. Наряду с ним выделяется еще четыре довольно сильно отличающихся диалекта. 1. Понтийский с древнеионийскими чертами и с одновременным сохранением консервативной среднегреческой морфологии. 2. Каппадокийский, близкий к понтийскому, но сильно затронутый турецким влиянием, как в лексике, так и в грамматике. 3. Цаконовый, единственный диалект, который является продолжением не древнегреческого койне, а непосредственно дорийского диалекта. 4. Нижнеитальянский — греческий диалект областей Апулии и Калабрии, который также является продолжением дорийского диалекта Magna Graecia в Италии.

На остальной территории распространения греческого языка, включая острова, а также на малоазийском побережье³ рассредоточены многочисленные диалекты, восходящие к позднегреческому койне. В свою очередь весь этот диалектный массив делится на две группы на основе фонетических особенностей: 1) северная группа, в которой безударные гласные *o*, *e* > *u*, *i*, а древние безударные *u*, *i* исчезают; 2) южная, которой эти изменения не характерны.

Настоящий труд Н. Андриотиса — результат многолетнего изучения им архаизмов в новогреческих диалектах по данным, почерпнутым из различного рода источников. Им использованы не только полевые исследования, но и тщательно проработаны фольклорные тексты, а также все изданные диалектные словари и глоссарии, в том числе и самые ранние, такие как словарь Гесихия, Свида и др. Широко использованы также материалы самого автора, изучавшего в экспедициях диалекты северной Греции, островов Имброс, Лемнос и Самофракия. Все это позволило автору составить первый свод архаизмов, рассеянных по всей грекоязычной области.

¹ Н. Андриотис — автор ряда описаний греческих диалектов Фракии, Имброса и др., см. библиографию к словарю. Кроме того, он автор этимологического словаря новогреческого языка: Ν. Π. 'Ανδριώτης. Ἑτυμολογικό λεξικό τῆς κοινῆς νεοελληνικῆς. Θεσσαλονίκη, 1967.

² И. М. Тронский и др. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973. Там же см. разбор существующих концепций о греческом диалектном членении.

³ После обмена территориями между Грецией и Турцией в 1923 г. понтийский, каппадокийский диалекты и говоры Малой Азии и Восточной Фракии вошли в современное греческое государство, за исключением небольшого числа исламизированных понтийцев и критян, оставшихся в Турции.

В то же время рассматриваемый лексикон нельзя назвать исчерпывающим обследованном по выявлению всех сохранившихся архаизмов. На это указывает и сам автор, сообщая, что из многих тысяч греческих поселений обследованы лишь несколько сот, а собранный богатый диалектный материал опубликован далеко не весь.

Словарь архаизмов, как таковой представляет интерес не только для чистой диалектологии в силу огромного материала, данного в сравнительном освещении, но и для семасиологии, поскольку позволяет проследить эволюцию значения каждого архаизма по диалектам. Наконец, столь богатый материал диалектной лексики, данной в сравнении и в сопоставлении с лексическим или грамматическим архетипом, оказывается существенным подспорьем в этимологических разысканиях.

Несколько слов о построении словаря. Как правило, диалектные архаизмы приводятся в той форме и в той последовательности, в какой они сообразно со своим фонетическим развитием дошли до наших дней. Во всех случаях назван диалект и точное место бытования диалектного архаизма. В состав архаизмов включены как основные лексемы, так и производные варианты, в том числе и композиты, в которые входит архаизм. В заглавное слово (лемму) Н. Андриотис выносит не только письменно засвидетельствованные формы, но и праформы, реконструируемые им под звездочкой на основании диалектных вариантов. На базе слова *ἀγαλλία* в понтийском диалекте Н. Андриотис восстанавливает форму **ἀγαλλίη* «радость» и т. п. Такие реконструкции, впрочем, не всегда безупречны (см. ниже).

В словаре можно выделить три основных типа архаизмов: лексические или лексико-семантические, фонетические и грамматические.

К первому типу относятся те архаизмы, которые, сохраняясь в диалектах (как правило периферийных), утрачены и заменены в литературном новогреческом языке.⁴ Ср. др.-греч. ἡ δέλφαξ 'свинья', в диалекте о. Наксос ἡ δέρφα, ὁ δέρφακος 'свинья', 'подсвинок' — н.-греч. τὸ γουρούνι от χοῖρος 'свинья'; др.-греч. ὁ ἱερέος 'жрец', диалект. (Хиос, Кипр) ἱερές, ἱερός — н.-греч. παπᾶς 'поп', 'священник'; др.-греч. βούλωμαι 'хочу, желаю' сохранилось с тем же значением в диалектах (Хиос, Эвбея, Эпир, Кипр и др.), тогда как в н.-греч. возобладал синонимичный глагол θέλω. Ср. также др.-греч. ἡ γαλήνη 'безветрие', 'морской штиль', отмеченное в разных вариантах в диалектах Понта, Крита и др. — н.-греч. μπανάτσα; в диалектах сохраняется др.-греч. ὁ ἀλέκτωρ 'петух' — н.-греч. ὁ κόκορας, πετεινός.

Существенное значение приобретают наблюдения автора словаря над семасиологическим развитием архаизмов в диалектах. Хотя лексические архаизмы нередко сохраняют по диалектам старое значение, нередки также и случаи сильного отхода от первоначального значения архаизма. Так, др.-греч. ἀγέλαρχης 'вожак стада', 'начальник отряда' на Кипре означает 'почтальон', др.-греч. ποιῆμα 'труд', 'произведение', сохраняясь в понтийском диалекте, имеет значение 'злой человек', 'дурной характер' и т. д.

Наиболее важной и многочисленной группой архаизмов следует считать фонетические архаизмы. Приводимый в словаре по алфавиту сопоставительный список диалектных вариантов дает возможность отметить ряд регулярных соответствий в отражении древнего вокализма и консонантизма. В области вокализма отметим сохранение аттич. *ē*, дор. и эол. *ā* регулярно в цаконском, спорадически в нижнеитальянском диалектах. Древнее *ē* сохраняется в понтийском и каппадокийском диалектах. Древнее *υ* < *ι* регулярно соответствует цакон. *ιυ*. В ряде диалектов продолжают сохраняться нестяженные сочетания гласных -εα, -ια, -ιο (νεά, συκεά, ἀγνωσία) — н.-греч. соответственно *já*, *jó*.

Широко распространена в диалектах афереза начального гласного или сочетания гласных⁵: др.-греч. αἰλουρος 'кошка' — капп. 'λοβρος 'дикая

⁴ Здесь и далее под новогреческим понимается современный греческий литературный язык.

⁵ Явление афезы имеет место и в других балканских языках, ср. алб.

кошка'; др.-греч. αἰμορροϊκός 'проливающий кровь' — кипр. ἰμορροϊκός; др.-греч. ἐκβάλλω 'выбрасываю' — понт. γβάλλω, кипр. (с метатезой) ββάλλω и т. д.

В области консонантизма надо отметить сохранение аффрицированного качества ζ, ср. ζάγλος 'серп' в различных вариантах в диалектах Эпира, Крита, Фессалии, в н.-греч. другое слово — σακάτης. В ряде диалектов (Эпир, Имброс, Македония) архаизмы сохраняют качество θ с аспирацией, для фракийского же диалекта Н. Андриотис приводит целый спектр вариантных рефлексов θ: τ'όρα (с придыханием), τ'όρα (без него), χ'όρα (с утратой переднеязычного, но с сохранением придыхательного), в н.-греч. — ἡ πόρτα. Как архаизм следует рассматривать и удлиненное произношение ряда согласных (преимущественно сонантов) в некоторых диалектах (-λ-λ, -μ-μ, -τ-τ и т. д.), тогда как в новогреческом это лишь орфографическая условность.

Из более поздних диалектных процессов укажем на замещение заднеязычного χ через аффрикату τς, ср. др.-греч. ἡ κεφαλή 'голова' — диалектн. τεφαλή (Хиос), др.-греч. χῆπος 'сад' — понт. τσεπί, н.-ит. τσηпо и ряд других примеров.

Чрезвычайно интересно явление, природа которого еще не совсем ясна, ротацизма — превращения s, как в начальной позиции, так и в исходе слова, в r в цаконском диалекте⁶. Ср. др.-греч. τās, ὄπως, καλῶς — цакон. tāp, ὄπουp, καοῦp.

Наконец, третий тип — это грамматические архаизмы, то есть сохранение древних форм имени, глагола и других частей речи. Им противопоставлены иные формы и форманты в новогреческом.

От древней ступени греческого языка сохранился ряд именных и глагольных флексий. Окончание ср. р. им. сущ. -εῖον засвидетельствовано в диалектах Понта и о. Карпатос, в н.-греч. — форма с синизесой -εῖο. Подавляющая часть морфологических архаизмов приходится на глагольную флексию. В то время как в диалектах во многих случаях наследуются глагольные формы, включая флексию, в новогреческом флексия представлена рядом заместительных формантов. Так, если в диалектах о. Хиоса и Карпатоса др.-греч. окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. действ. залога от Verba contracta -εῖ осталось неизменным, то в н.-греч. мы имеем окончание -ᾶ. Точно также др.-греч. окончание меди и пассива -την сохраняется в диалектах Хиоса, Эвбеи, Лесбоса и др., н.-греч. же — -τηx, ср. также др.-греч. -θητην в диалектах, в н.-греч. -θηχα. Наконец, др.-греч. окончание -χα активного аориста и перфекта сохранено в диалектах Пелопоннеса и Эвбеи (δῆλωχα), но заменено в н.-греч. на -αx и т. д.

«Второстепенные» части речи (числительные, местоимения, частицы и предлоги) дошли до нас в ряде диалектов в архаическом виде, тогда как в новогреческом архаические формы заменены новыми. Так от др.-греч. числительного εἰς 'один' в диалектах представлены различные варианты этой формы: γεῖς (капп., крит., кипр.), νεῖς (кипр.), но в н.-греч. — ἕνας. Предлог εἰς 'из', 'в', 'на' употребим в речи на Хиосе, в Эвбее и в других диалектах, а в н.-греч. он заменен на σέ. Др.-греч. союз εἰ 'если' встречается в диалектах в самых различных конструкциях, а в новогреческом его вытеснила частица ἄν.

Просмотр словаря дает отчетливое представление о том, что архаизмы в основном сосредоточены на периферии грекоязычного ареала. Особенно много их в составе цаконского диалекта, причем значительную часть составляют ἀπαξ λεγόμενα, большинство которых собрано в ценнейшем лексиконе Гесихия. Словарь Гесихия хранит в себе не только огромный диалектный материал древнегреческого и позднегреческого, но и слова из древнебалканских языков, соседствовавших с греческим и впоследствии исчезнувших.

gusht < лат. augustus 'август', mbret < лат. imperator 'царь' и ряд других примеров (все заимствования).

⁶ Подробно об этом см.: M. D e f f n e r. Zakonische Grammatik, I. Berlin, 1881, стр. 50 и сл.

В этой связи приходится признать ошибочным включение в словарь греческих слов-архаизмов некоторых палеобалканских глосс. Остановимся на этом подробнее.

Слово, зафиксированное как глосса у Гесихия γράβαν σκαφίον, βόθρον 'яма', 'ущелье' сохранилось в диалектах Пелопоннеса, в Цаконии и Апулии, то есть в дорийском ареале. В дорийском же диалекте, как известно, представлено наибольшее число заимствований из палеобалканских языков. Эта глосса справедливо считается балканоиллирийской⁷. Со своей стороны отметим, что слово *grabë* со значением 'ров', 'вымоина', сделанная рекой⁸ засвидетельствовано и в албанском⁹, вероятном продолжателе иллирийского. Ср. также Я. Фриск (Frisk, стр. 323).

Выше нами отмечалось, что не все реконструируемые Н. Андриотисом архаизмы надежны. Так, на основании топонима Μαλοῦντα на Кипре он воссоздает мнимую форму *μαλλους, якобы возникшую из др.-греч. (дор.-эол.) μάλον 'яблоко' + -ους, хотя топоним уже давно в балканистической литературе связывается с палеобалканским наследием: дак. *Dacia Maluensts* 'горная Дакия', иллир. *Di-mallum*, алб. *mal* 'гора' и т. п.⁹

Ошибочно сопоставление Н. Андриотиса глоссы σκάμμη 'нож', 'короткий меч' со словом σκάριμη 'Fußspur' (о. Карпатос). Во-первых, глосса в источниках (Гесихий, Фотий) помечена как фракийская, а во-вторых, в албанском сохранилось точное соответствие в слове *shkallmë* с тем же значением. Трудно также представить себе связь значений 'след ноги' и 'нож', 'меч'.

Совершенно излишне было включать в общий список архаизмов латинские заимствования, которые происходят главным образом из средневековой, т. е. из книжной латыни. Ср. βένετος (< лат. *venetus*) 'голубой', βηλάριον (< лат. *velarium*) 'занавеска', ἀρβάρη (< лат. *herbarium*) и др.

Вряд ли можно принять и такие сближения Н. Андриотиса, как μαριμάν 'сосать материнскую грудь' с явно звукоподражательными словами μιανμια, μιαμια 'еда' на Крите, ср. русск. *ням-ням* и т. п.

Нельзя не отметить и некоторой неупорядоченности расположения материала. По-видимому, грамматические архаизмы следовало рассмотреть в отдельном приложении, а не подавать их в алфавитном порядке. Отсутствие в словаре указателя таких форм весьма затрудняет поиски грамматических диалектизмов. Недостатком следует считать также отсутствие в индексе слов, которые могли бы служить иллюстрацией к фонетическим и морфологическим изменениям архаизмов.

Все это не умаляет ценности фундаментального исследования Н. Андриотиса по греческой диалектологии. Оно включает библиографию из 553 работ, включая работы самого автора, большинство из которых содержат публикации полевых материалов. Словарь снабжен таблицей транскрипционных знаков, передающих произносительные особенности всех использованных диалектов и говоров. В конце работы приложена карта распространения новогреческих диалектов и к ней перечень топонимов. Весьма полезен указатель диалектных вариантов, составленный П. Соусталем.

Настоящий труд вносит крупный вклад в современную греческую лексикологию, диалектологию и историю греческого языка. По сути дела это первый свод древнего наследия в новогреческих диалектах. Он может послужить хорошей базой для развертывания исследований по исторической лексикологии и диалектологии греческого языка, в особенности от среднегреческого периода и до наших дней, т. е. наиболее слабо изученного периода развития языка.

В. П. Нерознак

⁷ G. R o h l f s. Messapisches und Griechisches aus dem Salento. «Sybaris», Festschrift H. Krahe. Wiesbaden, 1958, стр. 121—122.

⁸ Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954, стр. 144.

⁹ G. M e y e r. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891, стр. 256—257; N. J o k l. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin—Leipzig, 1923, стр. 320. — См. также работы Э. Чабая, А. Росетти, В. Георгиева.